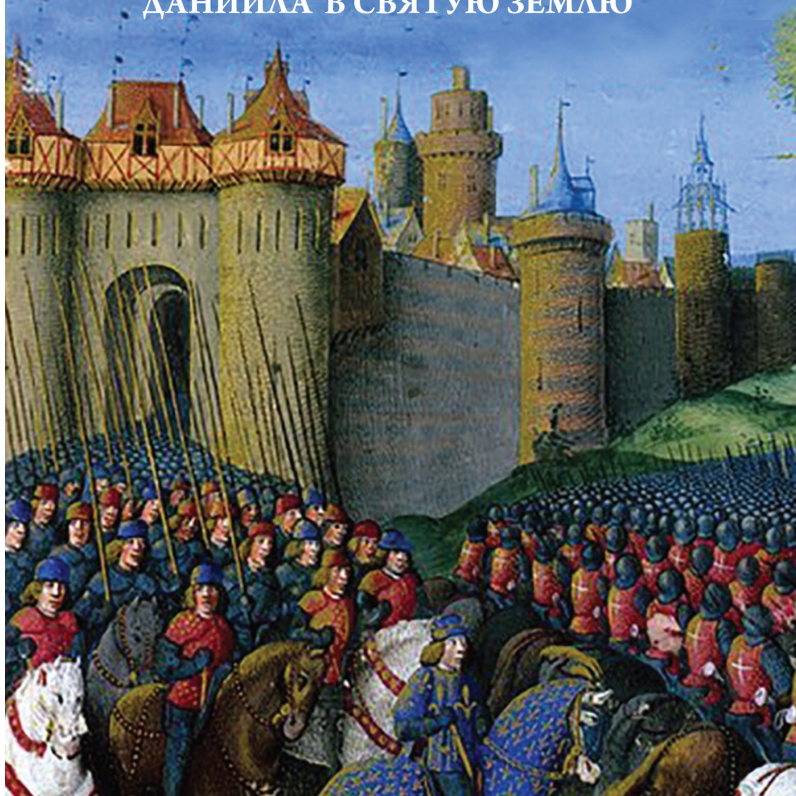

Ж.Ф. Мишо

**ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ
ПОХОДОВ**

Игумен Даниил

**ЖИТИЕ И ХОЖДЕНИЕ ИГУМЕНА
ДАНИИЛА В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ**

**Даниил (Ишматов) Игумен
Жозеф-Франсуа Мишо
История Крестовых походов.
Житие и хождение игумена
Даниила в Святую землю**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42330895

История крестовых походов:

ISBN 978-5-5-7373-106-0

Аннотация

«История Крестовых походов» известного французского историка Жозефа-Франсуа Мишо рассказывает нам об одном из самых драматичных периодов Средневековья, связанным с противостоянием Христианства и Ислама.

В книгу вошел замечательный памятник древнерусской литературы «Житие и хождение игумена Даниила в Святую Землю», написанное русским паломником, побывавшем там в 1104–1107 годах.

Содержание

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	4
ГЛАВА I	4
ГЛАВА II	25
ГЛАВА III	47
ГЛАВА IV	60
ГЛАВА V	78
ГЛАВА VI	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Ж.Ф. Мишо

История крестовых походов

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

ГЛАВА I

От странствий на поклонение Святому Гробу до Клермонтского Собора (От IV века по 1095 г.)

С самых первых времен христианской эры последователи Евангелия собирались вокруг гроба Иисуса Христа, Спасителя мира, для молитвы. Император Константин воздвигнул храмы над Гробом Сына человеческого и на некоторых из главных мест Его страданий; освящение церкви Св. Гроба было великим торжеством, при котором присутствовали тысячи верующих, собравшихся со всех сторон Востока. Мать Константина, св. Елена, уже в преклонных годах предприняла странствие в Иерусалим и содействовала своим усердием к открытию Древа Креста Господня в одной из пещер, по-

близости к Голгофе. Бесплодные усилия императора Юлиана возобновить храм Иудейский – в опровержение слов Писания – сделали еще более дорогими святые места. Между благочестивыми поклонниками IV века история сохранила имена: св. Порфирия, бывшего впоследствии епископом Газским, Евсевия Кремонского, св. Иеронима, изучавшего в Вифлееме св. Писание, св. Павлы и дочери ее Евстахии – из знаменитого рода Гракхов, могилы которых находят в настоящее время путешественник рядом с могилой св. Иеронима, близ той пещеры, где Спаситель возлежал в яслях. В конце IV века число паломников было так велико, что многим из отцов церкви, между прочим и св. Григорию Нисскому, приходилось уже красноречивыми доводами указывать на злоупотребления и опасности странствования на богомолье в Иерусалим. Напрасные предостережения. Не могло впредь явиться власти, которая преградила бы христианам путь к Св. Гробнице.

Св.царица Елена

Вскоре из глубины Галии нахлынули толпы новых христиан, которые спешили поклониться колыбели верования,

только что воспринятого ими. Маршрут, или дорожник, составленный собственно для паломников, служил им путеводителем от берегов Роны и Дордоны до реки Иордана и на возвратном пути из Иерусалима до главных городов в Италии. В первых годах V века мы встречаем на пути к Иерусалиму императрицу Евдокию, супругу Феодосия-младшего. В царствование Ираклия войска персидского шаха Хозроя II нахлынули на Палестину; после десятилетней борьбы победа осталась на стороне христианского императора; он возвратил святилищу Иерусалима Древо Животворящего Креста, похищенного варварами; босой проходил он по улицам священного города, неся на плечах своих до самой Голгофы это орудие искупления человеческого. Шествие это было торжественным праздником, память о котором церковь празднует и донныне под именем Воздвижения Честного Животворящего Креста. В последние годы VI века выехал из Пиаченцы с благочестивыми спутниками св. Антонин, чтобы почтить поклонением места, освященные следами Божественного Искупителя. Дорожник, носящий имя его, доставляет очень любопытные сведения о состоянии, в котором находилась в то время Св. Земля; между тем как Европа волновалась среди разнообразных бедствий войны и переворотов, Палестина покоилась под сенью Голгофы и как будто во второй раз соделалась землей обетования. Но недолго должны были продолжаться эти спокойствие и благосостояние.

Император Ираклий

Из хаоса религиозных и политических смут, среди развалин, загромождающих с каждым днем более и более слабый, колеблющийся и разделенный Восток, – выступил человек со смелым замыслом возвестить новую веру, основать новое царство. Это был Магомет, сын Абдуллы, из племени Корейшитов. Он родился в Мекке, в 570 году; был сначала бедным проводником верблюдов, но был одарен пылким воображением, энергичным характером, живым умом и имел глубокое познание аравийских народностей, их склонностей, вкусов и потребностей. Коран, над сочинением которого он провел двадцать три года, хотя и проповедовал чистую нравственность, но вместе с тем обращался и к самым грубым страстям человеческого сердца и сулил убогим обитателям пустыни – обладание целым миром. Сын Абдуллы, когда ему было сорок лет, начал проповедовать свое учение в Мекке, но после тридцатилетней проповеди должен был бежать в Медину, и с этого бегства пророка в Медину, 16 июля 622 года, начинается мусульманская эра. Немного понадобилось времени Магомету, чтобы завоевать все три Аравии, но яд прервал его победы и жизнь – в 632 году. Войну и проповедь его учения продолжали: Абу-Бекер, тесть Магомета, и Омар, который покорил Персию, Сирию и Египет. Амру и Серджию – наместники Омара – подчинили своей власти Иерусалим, который мужественно защищался в продолжение четырех ме-

сяцев. Омар, явившийся самолично принять ключи побежденного города, велел выстроить большую мечеть на том месте, где возвышался храм Соломона. При жизни калифа, наследовавшего власть Абу-Бекера, участь палестинских христиан была еще не очень бедственна, но по смерти Омара им пришлось терпеть всякий позор и разграбление.

Магомет (Мухаммад)

Нашествие мусульман не остановило паломничества. В начале VIII века мы встречаем в Иерусалиме епископа Галльского, св. Аркульфа, описание интересного путешествия которого сохранилось до нашего времени, а лет че-

рез двадцать или тридцать после того посетил св. места другой епископ – Гилебальд, из саксонской страны, о путешествии которого сохранился рассказ его родственницы-монахини. Распри между разными мусульманскими партиями, добивавшимися высшей власти, губительно отражались на палестинских христианах; долго тяготели на них ужасы преследования, прерываемые лишь кратковременными перерывами, и только в царствование Гарун-аль-Рашида, величайшего калифа из династии Аббасидов, настали для них более спокойные дни. Карл Великий в это время распространял свое владычество на Западе. Взаимное уважение между великим государем франков и великим калифом ислама выразилось посредством частых посольств и роскошных подарков. Гарун-аль-Рашид послал в дар Карлу Великому ключи от Св. Гроба и священного города: в этом приношении была политическая идея и что-то вроде смутного предчувствия крестовых походов.

В это время европейские христиане, посещавшие Иерусалим, были принимаемы в странноприимном доме, учреждение которого приписывают Карлу Великому. В конце IX века монах Бернард, родом француз, посетил св. места с двумя другими лицами из монашеского звания; он видел это странноприимное учреждение латинской церкви, состоящее из двенадцати домов или гостиниц, тут для паломников была открыта библиотека, как и в других странноприимных домах, основанных в Европе Карлом Великим. В пользовании

этого благочестивого учреждения были поля, виноградники и сад, расположенный в долине Иосафатовой. Желание обрести частицы мощей, а также и торговые расчеты способствовали умножению этих путешествий за море; ежегодно 15-го сентября в Иерусалиме открывалась ярмарка: торг, по обыкновению, происходил на площади церкви св. Марии Латинской. Купцы из Венеции, Пизы, Генуи, Амальфы и Марселя имели свои конторы в разных странах на Востоке. Путешествия к св. местам стали налагаться в виде публичной кары и средства к искуплению вины. В 868 году один знатный бретонский владетель, по имени Фротмонд, убивший своего дядю и меньшего из своих братьев, был присуждаем три раза к путешествию в Св. Землю – для получения полного отпущения своих преступлений. Цензий, римский префект, который нанес оскорбление папе в церкви Санта-Марии-Маджоре, схватив его в алтаре и заключив в темницу, был присужден оплакивать свою вину у подножия Гроба Господня.

Эти частые путешествия установили братские отношения между христианами Востока и европейскими. Письмо Илии, патриарха Иерусалимского, написанное в 881 году к Карлу-младшему и великой семье христианского Запада, представляется нам как торжественное выражение этих отрадных и благочестивых отношений. Патриарх описывает несчастное положение Иерусалимской Церкви: бедным и монашествующим угрожает смерть от голода, для лампад святилища недостает масла, иерусалимские христиане взывают к со-

страданию своих европейских братьев. Не дошло до нас никакого свидетельства, которое пояснило бы, как отозвалась христианская Европа на это трогательное послание, но можно предполагать, что два монаха, посланные с письмом от Илии, возвратились не с пустыми руками.

По ниспровержении владычества Аббасидов, мусульманский мир под влиянием распрей и несогласий распался и утратил свою силу; зрелище этого падения приободрило на некоторое время греков. Никифор Фока, Иракий и особенно Цимисхий сделали несколько удачных попыток, но смерть Цимисхия, отравленного внезапно среди пути, возвратила сарацинам все, что они потеряли. Калифы – Фатимиды, поселившиеся недавно по берегам Нила, сделались новыми обладателями Иудеи. Под их управлением положение христиан было сносное до тех пор, пока не стал калифом Гакем, о жестоком фанатизме и о яростном безумии которого сообщает история. Герберт, архиепископ Равенский, сделавшийся папой под именем Сильвестра II, видел бедствия христиан во время своего путешествия в Иерусалим. Письмо этого прелата (986), в котором Иерусалим сам оплакивает свои несчастья и взывает к состраданию своих детей, возбудило волнение в Европе. Следствием этого негодования и сострадания была морская экспедиция пизанцев, генуэзцев и короля Арльского Бозжа, которая угрожала сарацинам до берегов Сирии; но эта неблагоприятная демонстрация возбудила только недоверие сарацин и привлекла на христиан

усиленные меры строгости.

Летописцы того времени, описывая бедствия Св. Земли, сообщают, что все религиозные церемонии были запрещены и большая часть церквей превращены в конюшни, храм Св. Гроба также подвергся опустошению. Христиане принуждены были удалиться из Иерусалима. Со слезами приняли на Западе известие о разрушении св. места. В разных явлениях представились благочестивым христианам как бы знамения этих несчастий: например, в Бургони выпал каменный дождь, на небе видны были кометы и метеоры. В различных по климату местностях природа действовала как бы вопреки своим определенным законам, и год бедствий Иерусалима был полон печальных, таинственных знамений. Но все эти бедствия делали еще более дорогим и священным для христиан город их Искупителя. Вообще, конец X века составляет эпоху тревог и мрачной озабоченности; в Европе думали, что скоро наступит последний день мира и Иисус Христос сойдет на землю, чтобы судить живых и мертвых. Мысли всех были обращены к Иерусалиму, и путь странствия туда сделался как бы путем вечности. Богатые учреждали благотворительные заведения, так как блага земные вменялись тогда в ничто. Не одна дарственная запись начинается такими благочестивыми словами: «Так как приближается конец мира...» или «Убоясь наступающего дня Суда Божия...» и т. п. когда умер Гакем – калиф-притеснитель, то преемник его Захир позволил христианам выстроить вновь

храм Св. Гроба; император Константинопольский предоставил черпать средства из своей собственной казны для покрытия издержек по восстановлению храма.

В XI веке примеры странствий к св. местам, налагаемых в виде церковного покаяния, встречаются еще чаще, чем в предыдущем столетии. Великие грешники должны были оставлять на некоторое время свое отечество и вести скитальческую жизнь, подобно Каину. Этот способ искупления грехов кражи, убийства, нарушения примирения во имя Бога – согласовался с деятельным и беспокойным характером западных народов. Чем дальше подвигается XI век, тем более любовь к странствиям на поклонение св. местам становится потребностью людей, привычкой, законом. посох странника виден в руке каждого уроженца Европы; старание ли избежать опасности или преодолеть затруднение, исполнение ли какого-нибудь желания или обета – все это служит причиной покинуть домашний очаг и стремиться к дальним небесам. Странник, направляющийся в Иерусалим, был как бы священной личностью, отъезд его и возвращение ознаменовывались религиозными церемониями. Ни в какой стране не подвергался он лишению благодетельного гостеприимства. Особенно же во время празднования Пасхи стечение паломников бывало многочисленно в Иерусалиме; толпы верующих стремились увидеть, как нисходит Священный Огонь и зажигает светильники у Гроба Господня.

Знаменитейшими паломниками первой половины XI века

считают Фулька Анжуйского, по прозвищу Черного, и Роберта Нормандского, отца Вильгельма Завоевателя; Фульк, обвиненный в убийстве своей жены и сверх того в других убийствах, три раза путешествовал к св. местам, заявляя многими доказательствами набожное свое настроение и милосердие, и умер в Меце в 1040 г., по возвращении из третьего странствования на богомолье. Роберт Нормандский, виновный, как говорят, в том, что по его повелению был отравлен брат его Ричард, также отправился вымаливать прощение Господа у Его Св. Гроба; по прибытии в Иерусалим встретил он у ворот города толпу бедных странников, стоявших тут в ожидании милостыни от какого-нибудь богатого господина, которая открыла бы им доступ в священный город, и заплатил за каждого из них по золотой монете. Роберт умер в Никее, сожалея, что ему не пришлось кончить жизнь свою при самом Гробе своего Господа.

В 1054 г. Литберт, епископ Камбрейский, отправился в Иерусалим во главе трех тысяч поклонников из Пикардии и Фландрии. Этот отряд, известный у летописцев под замечательным названием «войска Божьего», погиб в Болгарии, побитый оружием варваров и также от голода. Епископ Камбрейский прибыл в Сирию с очень немногими уцелевшими спутниками; но он был так несчастлив, что должен был возвратиться в Европу, не увидев Гроба Господня. Другой отряд, более многочисленный, отбыл с берегов Рейна в 1064 году; эти благочестивые германцы достигли до Св. Земли, где пат-

риарх сделал им торжественную встречу при звуках литавр. В числе путешественников к св. местам в это же время можно упомянуть еще о Фридрихе, графе Вердюнском, о Роберте Фризоне, графе Фландрском и о Беранжере, графе Барселонском.

Папа Григорий VII

Вторжение турок, «эта наковальня, которая должна была тяготеть над всей землей», по выражению одного летописца, подчинило Восток новым владыкам, а палестинских христиан – новым притеснителям. К такому громадному количеству врагов, восставших против последователей Евангелия, Европа не отнеслась равнодушно. Папа Григорий VII, человек энергичный и смело-предприимчивый, начал убеждать христиан вооружиться против мусульман; пятьдесят тысяч человек отозвались на его призыв, и Григорий VII сам должен был вести их в Азию. Но он не мог осуществить этого предприятия. Преемник его, Виктор III, обещал отпущение грехов всем, кто выступит на битву с сарацинами, свирепствовавшими по берегам Средиземного моря; флот, снаряженный жителями Пизы, Генуи и других городов Италии, явился у африканских берегов; итальянские воины изрубили множество сарацин и сожгли два мусульманских города в древней стране Карфагенской.

Но то был не первосвященник римский, а простой отшельник, который под влиянием идеи, властвующей над веком, поднял знамя великой войны между Востоком и Западом. Петр Пустынный, родом из Пикардии, ища удовлетворения для своей пламенной и тревожной души и на войне, и в мире, и в церкви, – избрал последним своим убежищем уединение в одном из самых суровых монастырей. Он покинул его лишь для того, чтобы пойти на поклонение к св. местам; вид Голгофы и Св. Гроба воспламенил его христиан-

ское воображение: зрелище страданий палестинских христиан возбудило его негодование. Петр Пустынник вместе с патриархом Симоном плакали над бедствиями Сиона, над порабощением последователей Иисуса Христа. Патриарх вручил отшельнику письма, в которых он умолял о помощи папу и государей; Петр обещал ему не забыть Иерусалима. И вот из Палестины отправляется он в Италию, припадает к ногам папы Ур-бана II, испрашивает и достигает его предстательства в пользу освобождения Иерусалима. И после того Петр Пустынник, воссев на мула, с босыми ногами, с обнаженной головой, в простой грубой одежде, с Распятием в руках отправляется из города в город, из провинции в провинцию, проповедуя на площадях и дорогах; таким образом проходит он по всей Франции и по большей части Европы; красноречие его потрясает толпы, все умы воспаляются, все сердца растроганы.

Петр Пустынник призывает христиан к Крестовому походу

Немедленно в Пиаченце был созван собор; тут были и послы от императора Алексия, на которых было возложено представить папе картину бедствий на Востоке. Более двухсот епископов и архиепископов, четырех тысяч духовных лиц и тридцати тысяч лиц светского звания присутствовали на соборе. Но ничего здесь не было решено. Великое решение состоялось на новом соборе, более торжественном и многочисленном, соборе Клермонтском, в Овернии. После многих совещаний о преобразовании духовенства, об установлениях относительно порядка, справедливости и человечности, был поднят вопрос о Св. Земле. Совещание, на котором раздалось слово об Иерусалиме, было десятое по числу на соборе; оно происходило на большой Клермонтской площади, покрытой несметными толпами народа; для папы был воздвигнут престол. Петр Пустынный заговорил первый; голос его дрожал от слез, когда он обратился к народу, и слова его произвели потрясающее впечатление. После него начал говорить папа Урбан, который представил зрелище наследия Христова – в позорном порабощении, Божиих верных сынов – терпящих гонения и преследования, Европу христианскую – устрашаемую победоносными варварами; папа призывал государей и народы послужить Богу Живому. При словах папы слышны были общие рыдания, на призыв его к мужеству воинов – толпа отозвалась пламенным рвением. Перед благочестивыми душами в словах папы открывалось Царствие Небесное, которое предстояло завоевывать, а

перед честолюбивыми – земные блага и царства Азии. И подобно грому огласил Клермонтскую площадь крик, вырвавшийся из сердец несметной толпы: «Бог того хочет! Бог того хочет!» Здесь мы только слегка касаемся действия, произведенного речью папы; только в истории крестовых походов можно видеть торжественное величие зрелища, явленного тогда перед христианским миром.

ГЛАВА II

С отбытия крестоносцев до осады Нинеи (С 1096 до 1097 г.)

Епископы, бароны, рыцари и все верующие, которые присутствовали на соборе Клермонтском, поклялись идти освободить Иерусалим; они облачились в одежду, украшенную красными крестом (из шелковой ткани или шерстяной материи), и от этого произошло название крестоносцев. Урбан, с той целью, чтобы окончательно воспламенить сердца христиан, посетил многие провинции во Франции, созвал соборы в городах Руане, Анжере, Туре и Ниме; толпы народа следовали за ним, и воинственный энтузиазм охватил всю страну. Собор, на котором решен был крестовый поход, происходил в ноябре 1096 года, а в августе следующего года было назначено выступить в поход крестоносцам. В продолжении зимы делались приготовления к пути. Епископы всех епархий были заняты освящением крестов, оружия и знамен. Религиозное рвение и разные привилегии, предоставленные крестоносцами содействовали увеличению числа пилигримов и воинов. Им отпускались все прегрешения; церковь принимала под свое покровительство и крестоносцев, и их семейства, и имущество; они освобождались от податей и налогов и от преследования своих кредиторов во все про-

должение похода.

Рвение к пилигримству разгорелось повсюду; это сделалось единственным стремлением, единственным предметом интереса и честолюбия. Желание посетить св. места и завоевать Восток превратилось во всеобщую страсть. Земли начали продаваться по низкой цене; ремесленники, купцы и земледельцы охладели к своим обычным занятиям и сделались безучастными ко всему, кроме крестового похода. Даже и монастыри оказались не властными удержать в своих стенах их суровых обитателей; клятва жить и умереть в уединении должна была уступить силе влечения в дальние области. И странное явление! Даже воры и разбойники выползли на свет Божий из своих скрытых притонов и вымаливали счастье принять крест и идти искупить свои преступления в бою с врагами Иисуса Христа. Восторженное настроение крестоносцев, начавшееся во Франции, перешло оттуда в Англию, Германию, Италию и Испанию; под знаменем Креста различные западные народы слились в одном общем стремлении. Для народов, как и для отдельных личностей, не стало земли более желанной, чем Палестина; не представлялось более славного подвига, как крестовый поход; не утешала иная надежда, кроме освобождения Иерусалима. Фантазия и народные страсти присоединили самую природу к этому всеохватывающему воинственному порыву; она то покрывала небо кровавыми облаками, то ниспускала комету в виде меча или расстилала по небесному пространству движущиеся города с

башнями и украшениями, вооруженные легионы и знамение креста. Знаменитые покойники минувших времен (таковы были толки в народе) покинули свои могилы, чтобы принять участие в этом великом движении христианской Европы.

Папа Урбан II

В первые весенние дни 1096 года внезапно и повсеместно разгорелся порыв выступить в поход; ничто более не могло сдерживать благочестивого рвения крестоносцев. Все звания, возрасты и сословия смешались под знаменем Креста. Дороги были усеяны отрядами, из среды которых то тут, то там раздавался возглас: «Бог того хочет!» – и вместе с тем звуки труб и литавр и пение гимнов и псалмов. Целые семьи, забрав с собой провизию, утварь и мебель, пускались в Палестину, предавая себя провидению Того, Кто питает птиц небесных. Деревенские дети, встречая на пути город или замок, спрашивали в своем простодушном неведении: «Не это ли Иерусалим?»

Князья и вожди, которые должны были предводительствовать различными отрядами крестоносцев, решили, что они отправятся в разное время и по разным дорогам, но что все соединятся в Константинополе. Большая часть ополчения не хотела ждать; не имея предводителя, она требовала, чтобы Петр Пустыжник повел ее на Восток; Петр согласился на это. В шерстяной мантии, с капюшоном на голове, в сандалиях на ногах, на том же муле, на котором он разъезжал по Европе, Петр направился в Германию во главе восьмидесяти и даже до ста тысяч народа: проповедник крестового похода, сделавшийся предводителем такой массы пилигримов, не подумал о беспорядках и бедствиях, могущих возникнуть вследствие грубого невежества и отсутствия всяких разум-

ных мер и дисциплины. Авангард армии Петра Пустынника, предводительствуемый Готье Голяком, состоял только из восьми всадников, все прочие шли завоевывать Восток, собирая милостыню по дороге. Этот авангард прибыл в Константинополь, совершив печальный и бедственный двухмесячный поход через Венгрию и Болгарию. Император Алексей дозволил ему тут дожидаться армии Петра Пустынника. Армия же эта, следуя по пути, проложенному ратниками Готье Голяка, увидела следы бедствий, которые она потерпела, и пожелала неблагоразумно отомстить за них. Высокую идею крестовых походов она осквернила страшнейшими ужасами, которые пришлось ей искупить под стенами Ниссы. И когда остатки армии Петра Пустынника соединились с остатками авангарда вокруг Константинополя, то все поклялись соблюдать впредь дисциплину и подчиняться разумным распоряжениям. Петр Пустынник оказался предметом большого любопытства при императорском дворе; Алексей осыпал его подарками, приказал снабдить его армию деньгами и провиантом и посоветовал ему подождать прибытия владетельных князей, чтобы начать войну.

Но князья и настоящие предводители крестового похода еще не выступали из Европы; им предшествовали новые ополчения, подобные тем, которых вели Готье Голяк и Петр Пустынник. Пфальцский священник Готшальк отправился с пятнадцатью и до двадцати тысяч войска из разных провинций Германии, вооружившегося по его призыву; при пе-

реходе через Венгрию отряд этот предался всем неистовствам разгула и был бедственно истреблен оружием венгров. С берегов Рейна и Мозеля выступило другое ополчение под предводительством священника Фолькмара и графа Эмикона; эта толпа – сборище бродяг и искателей приключений, – руководимая двумя лицами, плохо разумевшими смысл и дух крестового похода, устремилась, как на врагов, на всех евреев, которых встречала на пути, и кровью их обагрила несколько городов в Германии. Рейн и Мозель покрыты были израильскими трупами. После этих кровопролитий перед ратниками Эмикона, подвигающимися по направлению к Венгрии, все местные населения обращались в бегство. Месбург не пропустил их через свои ворота и отказал им в продовольствии. Большинство этих недостойных крестоносцев погибло под стенами Месбурга после неудачной осады этого города; и только немногочисленный авангард из отряда Эмикона достиг до Константинополя.

Все эти соединившиеся теперь ополчения становились опасными гостями для Алексия; уже несколько домов, дворцов и даже византийских церквей были сожжены и разграблены этими необузданными пилигримами; император заставил их перейти на другую сторону Босфора, и крестоносцы расположились лагерем в окрестностях Никомидии. В скором времени возникли несогласия между французами, итальянцами и германцами. Последние, под предводительством Ренальда, двинулись к Никее, отняли у мусульман крепость

Ексерогорго, но вскоре после того, осажденные турками, все почти погибли под ударами их мечей. Узнав о печальной участи итальянцев и германцев, французы потребовали от своего предводителя Готье, чтобы он повел их навстречу неприятелю – для того чтобы отомстить за своих братьев-христиан. Готье отговаривал их от этого, но его благоразумные доводы были встречены общим ропотом. Яростные крики толпы заставили его уступить, и отряд в беспорядке двинулся к Никее. Немедленное поражение его было наказанием за это возмущение. Готье, который был бы достоин предводительствовать лучшими воинами, пал, сраженный семью стрелами. Петр Пустынник, который давно уже лишился доверия крестоносцев, возвратился в Константинополь еще прежде битвы. С этой минуты отшельник не выдавался из ряда прочих лиц, принимавших участие в крестовом походе, он был едва замечен на войне, которую он вызвал силой своего красноречия.

Такова была участь трехсот тысяч крестоносцев, вышедших из Европы. Прискорбно, но не удивительно было услышать о бедствиях, постигших эти передовые отряды, которыми не руководили ни законы, ни добродетели, ни дисциплина и которые создались, так сказать, из пены взволнованного западного строя. Но эти несчастья не возбудили отчаяния в предводителях крестового похода; более правильно сформированные и более одушевленные христианским духом войска должны были оказаться более грозными борцами

с Востоком, чем скопища и отряды, распавшиеся или уничтоженные в Болгарии, Венгрии и Вифимии. Теперь только мог начаться настоящий крестовый поход; теперь только откроется перед нами борьба за Крест во всем ее героическом и настоящем смысле.

Во главе христианских армий является сначала Готтфрид Бульонский, герцог Лотарингский, из рода графов Булонских и происходящий, по женской линии, от Карла Великого. Очень еще юный, он успел уже отличиться на войне между папой и императором Германским и в борьбе против папы, защищая дело антипапы Анаклетта; но эта служба была признана святотатственной, и он должен был искупить свои преступные подвиги – путешествием в Иерусалим. По свидетельству летописцев, Готтфрид соединял в себе мужество и добродетель героя с простотой отшельника; он обладал большой физической силой и отличался благоразумием, воздержанием и искренним благочестием. Глубокий ум его придавал ему такое нравственное превосходство, которое прямо указывало в нем главного и настоящего предводителя крестового похода. По призыву герцога Лотарингского все высшее сословие французское и прирейнское предоставило свои богатства для снаряжения экспедиции.

Под знаменами Готтфрида собралось восемьдесят тысяч пехоты и десять тысяч человек конного войска. Он выступил в поход через восемь месяцев после Клермонтского собора, в сопровождении брата своего Евстафия Булонского, друго-

го брата – Бальдуина и двоюродного брата Бальдуина Бургского; при нем были еще: Бальдуин, граф де-Генегау, Гарнье, граф де-Грэ, Конон де-Монтегю, Дюдон де-Гутц, братья Генрих и Готтфрид Гашские, Рено и Петр Тульские, Жерар Керизийский, Гуг де-Сен-Поль и сын его Енгельран. Эти предводители вели за собой множество других рыцарей. Армия Готтфрида Бульонского встретила помощь и получила продовольствие в тех же самых странах Венгрии и Болгарии, где воины Петра Пустынника, Готшалка и Эмикона возбудили только недоверие и подверглись всякого рода бедствиям.

Крестоносцы отправляются в поход

Франция между тем вооружала новые войска для поддержания священной войны. Граф Гуг, брат Филиппа I, соединил под своими знаменами пилигримов Вермандуасских. Роберт, по прозванию Курт-Гез, герцог Нормандский, старший сын Вильгельма Завоевателя, был во главе своих вассалов; не имея достаточно средств, чтобы содержать войско, он заложил Нормандию брату своему Вильгельму Рыжему, не очень заботившемуся о делах на Востоке. Другой Роберт, граф Фландийский, сын Роберта, прозванного Фризоном, предводительствовал фризами и фламандцами. Стефан, граф Блуасский и Шартрский, замков у которого было столько же, сколько дней в году, присоединился также к делу крестоносцев. За этими четырьмя вождями последовала толпа рыцарей и вельмож, между которыми история упоминает о Роберте Парижском, Евранде Пюизейском, Ашарде Монмерльском, Изуарде Мюзонском, Стефане, графе Альбмарльском, о Готье Сен-Валерийском, Рожере Берневильском, о двух знаменитых бретонцах Фержане и Конане; о Гюи Трюссельском, Миле Брэйском, Рауле Божансиском, о Ротру, сыне графа Першского; об Одоне, епископе Байесском, дяде герцога Нормандского; о Рауле Гадерском, Иве и Альберике, сыновьях Гуга Гранменильского. Все эти французские отряды перешли через Альпы, с намерением отплыть на судах из одного из итальянских портов. При слухах о проходе французских крестоносцев взволновалась и Италия. Боэмунд, князь Тарентский, сын Роберта Гис-

кара, пожелал также разделить честь и опасности священного предприятия. Это был человек ловкий, храбрый и честолюбивый, полный ненависти к греческим государям, он радовался при мысли, что будет переходить через их империю во главе целой армии. Без сожаления готов он был отдать свое маленькое Тарентское владение за надежду покорить царства на Востоке. Боэмунд был со своим братом и со своим дядей Рожером при осаде Амальфи; он сам выступил проповедником крестового похода, и лагерь осаждающихся огласился вслед за тем криками: «Бог того хочет! Бог того хочет!» И вот войско отходит от стен Амаьфи, и Боэмунд провозглашается предводителем новой армии пилигримов. С десятью тысячами всадников и двадцатью тысячами пехоты он садится на суда и отправляется в Грецию; славнейшие рыцари Апулии, Калабрии и Сицилии последовали за князем Тарентским. Между знатнейшими спутниками сына Роберта Гискара были: Ричард, князь Салернский, и брат его Ранульф, Герман Канийский, Роберт Гозский, Роберт Сурдевальский, Роберт, сын Тристана, Буаль Шартрский, Гумфрид де Монтегю и знаменитейший из всех – Танкред, рыцарский героизм которого воспели поэты и прославили историки. Адемар Монтейский и Раймонд, граф Сен-Жильский и Тулузский, были избраны вождями крестоносцев из южных провинций. Епископ Адемар, первый принявший крест на Клермонтском соборе, получил от папы Урбана II титул апостольского легата, духовного вождя крестового похода. Мит-

ра духовного владыки и рыцарский шлем были попеременным его облачением; он был образцом, опорой и утешителем всех ополчившихся в священный поход. Раймонд Сен-Жильский обагрил свой меч кровью мавров в Испании. В нем уже не было первого пыла молодости, но и в преклонных годах он отличался неустрашимостью и непоколебимой твердостью характера. Он простился со своими обширными и многочисленными владениями на берегах Роны и Дордо-ни и отправился на Восток, в сопровождении знатнейших владетелей из Гасконии, Лангедока, Прованса, Лимузина и Оверни.

Карта средневекового Константинополя

Летописцы упоминают между ними: Гераклия, графа де Полиньяка, Вильгельма Сабранского, Елеазара Монтредорского, Петра-Бернарда Монтальякского, Елеазара Кастрийского, Раймонда Лилльского, Петра-Раймонда Готпульского, Гуссье Ластурского, Вильгельма V, владельца Монпельского, Рожера, графа Фуасского, Раймонда Пеле, владельца Алекского, Изарда, графа Дийского, Рембота, графа Оранжского, Вильгельма, графа Форезского, Вильгельма, графа Клермонтского, Жерарда, сына Гильяберта, гра-

фа Руссиольонского, Гастона, виконта Беарнского, Вильгельма-Аманжие Альбретского, Раймонда VI, графа Тюренского, Раймонда, виконта Кастильонского, Вильгельма-Дюржеля, графа Форкалькверского. Епископы Аптский, Лодевский, Оранжский, архиепископ Толедский были во главе своих вассалов, как и епископ Адемар. Армия Раймонда Сен-Жильского состояла из ста тысяч крестоносцев; она перешла через Альпы, Ломбардию, Фриуль, Далмацию и вступила в пределы Греческой Империи.

Император Алексей I Комнин

Алексий Комнин искал помощи на Западе в защиту от вторжения мусульман, но по мере того, как князья-крестоносцы подвигались со своими войсками к Константинополю, Алексий начинал опасаться многочисленности своих освободителей. И этому наплыву народов на его владения он противопоставил политику хитрости, коварства и подкупа. Он трепетал на своем ветхом престоле, и в самом деле, если бы не было благочестивого Готтфрида, который не допустил, чтобы нарушена была присяга, принятая перед крестовым походом, то латинские знамена развевались бы уже с тех пор на стенах Византии.

С помощью подарков и низкой угодливости Алексий пользовался-таки временным уважением латинских князей, за исключением Танкреда, пребывавшего нечувствительным к обольщениям императорского двора. Но ради обеспечения мира Алексий не отступил ни перед каким унижением, ни перед каким обещанием. Однако же он успокоился не прежде того, как все эти пришельцы с Запада перешли уже на ту сторону Босфора.

Готфрид Бульонский

Начиналась весна 1097 года, когда воины Креста вступили в Вифинию; на пути их к Никее они увидели замок Эксергорго, послуживший могилой для предприимчивых спутников Ренальда и полем битвы, на котором непокорный и своевольный отряд Готье был истреблен мусульманским оружием. Четыре тысячи работников, вооруженных лопатами и заступами, были заняты теперь разравниванием дороги; железные или деревянные кресты, расставленные на разных расстояниях, обозначали путь, по которому должно было следовать латинское войско.

При приближении крестоносцев султан Килидж-Арслан (львиная сабля) созвал со всех сторон своих подданных и союзников для защиты исламизма; он постарался образовать из них войско и укрепить г. Никею, на которую должны были обрушиться первые удары христиан. Этот город, столица Вифинии и резиденция Румского султана, был выстроен на берегах озера Асканского, сообщающегося с Мраморным морем: триста семьдесят каменных или кирпичных башен защищали двойную ограду его стен, по которым можно было бы прокатить колесницу. Румский султан со своим стотысячным войском расположился на горах близ Никей. С ужасом должен был он смотреть оттуда на христианскую армию, распространившуюся по долине; эта армия состояла из более чем ста тысяч конницы и пятисот тысяч человек пехотного войска.

Крестоносцы решились приступить к осаде Никеи; каждому корпусу армии было отведено свое место, каждому народу – свой участок, окруженный стенами и тыном. Первые дни осады прошли в бесплодных попытках. Но вдруг неприятельский авангард, состоящий из десяти тысяч всадников, стремительно спускается в долину; крестоносцы, предупрежденные о нападении, остаются в выжидательном положении под оружием; начинается битва, на помощь к помятому сарацинскому авангарду выступают пятьдесят тысяч всадников под предводительством султана. Почва долины колеблется под натиском двух армий, стрелы сыплются в ряды воинов, воздух оглашается ударами копий и мечей и криками мусульман. Готтфрид, брат его Бальдуин, Роберт Фландрский, Роберт Нормандский, Боэмунд и Танкред бросаются повсюду, где заметна опасность. Битва эта длилась от утра до ночи, победа осталась за христианами, но они потеряли две тысячи своих братьев; сарацины же убежали в горы, оставив в долине четыре тысячи убитых.

Освободившись от соседства неприятельского войска, крестоносцы возобновили осаду Никеи. Во время одного из приступов перед христианами является сарацин-гигант, который, стоя на стенах, поражает смертью одного врага за другим, но сам остается невредим от ударов; как бы желая доказать, что он ничего не боится, гигант отбрасывает свой щит, обнажает свою грудь и начинает метать в крестоносцев целыми глыбами камни; крестоносцы валятся в бессилии защи-

тить себя. Наконец выступает Готтфрид, вооруженный самострелом и в сопровождении двух оруженосцев, которые ограждают его своими щитами; мгновенно вылетает стрела, пущенная его могучей рукой, – гигант, пораженный в сердце, падает мертвый на стену, в виду обрадованных крестоносцев и неподвижных от страха осаждаемых.

Семь недель уже длилась осада, и тогда только крестоносцы заметили, что мусульмане пополняли свои потери подкреплениями, прибывающими через озеро Асканское, прилегающее к городу с западной и южной стороны. Тогда они послали за лодками и за судами в одну из гаваней Пропонтиды, называемую Сивито (ныне Гем-лик); эти лодки и барки поставлены были на телеги, запряженные лошадьми, и в одну ночь отправленные на них сильного сложения люди успели подъехать к Никее и пересесть на суда, так что на заре суда с этими неустрашимыми крестоносцами покрывали уже все озеро Асканское. Удивлены и поражены были таким зрелищем защитники Никей. После нескольких усиленных приступов со стороны крестоносцев они лишились всякой надежды на спасение; Никея должна была или сдаться, или пасть после последнего приступа, но политика Алексия вырвала из рук латинян эту победу. Между войсками крестоносцев было два греческих отряда под начальством двух воевод, которым поручено было хитростью перехватить Никею в пользу императора. Один греческий офицер пробрался в город и предложил мусульманам подчиниться власти

императора Константинопольского, объявив им, что в этом – единственное средство для них избежать мщения со стороны крестоносцев; ему поверили, и мусульмане сдались на его предложение – к великому удивлению и негодованию христиан, когда они вслед за тем увидели развевающиеся на башнях знамена Алексия. Впрочем, ропот скоро затих. Алексей остался обладателем Nikeи.

Император приобрел Nikeю, но это не удовлетворило его вполне; ему нужен был Танкред, т. е. ему нужно было, чтобы этот рыцарь дал клятву быть подчиненным и верным ему. Танкред, уступая просьбам Боэмунда и других вождей, обещал быть верным императору, пока сам император пребудет верным делу крестоносцев. В этом согласии была угроза, но Алексей не мог требовать ничего больше. Впрочем, после всего, что произошло в Nikee, искренний союз между греками и латинянами сделался более невозможным; взаимное враждебное чувство между греками и крестоносцами доходило до ненависти и составляло между ними как бы непродоходимую бездну.

ГЛАВА III

С отбытия из Никеи до прибытия в Антиохию (От 1097 до 1098 г.)

Малая Азия, в то время еще неизвестная и которая впоследствии поглотила столько западных народов, открылась теперь перед христианскими войсками со своими местностями без проложенных путей, со своими горами и пропастями и со своими дикими обитателями. Крестоносцы, продолжая свой путь к Сирии и Палестине, отбыли из Никеи в 1097 году, 25 июня; через два дня пути подошли они к мосту, построенному на том самом месте, где река Галл впадает в Сангарий, известный ныне под именем Сакарии. Так как им предстояло пробираться теперь по местности пустынной и безводной, то армия разделена была на два корпуса, значительнейшим из которых предводительствовали Готтфрид, Раймонд, Гуг великий и граф Фландрский; во главе другого корпуса были поставлены Боэмунд, Танкред и герцог Нормандский. Войско Готтфрида двинулось направо, а войско Боэмунда – налево. После трех дней пути перед войском Боэмунда открылась долина Горгони, и тут внезапно устремляется на него с гор неприятель; султан Килидж-Арелан после неудачи своей при Никее собрал новые силы, он следовал за крестоносцами, изыскивая случай заставить их дорого

поплатиться за взятие его столицы.

Боэмунд делает распоряжение, чтобы были расставлены палатки; мгновенно на берегу реки устраивается лагерь и здесь располагается слабейшая часть войска. Нападение на него было сильное; неприятель имел превосходство численности, перед которой все чудеса храбрости христианских воинов должны были оказаться бесплодными.

Крестоносцы в походе

Воины Килидж-Арелана вторгаются в латинский лагерь, предают избиению всех на пути своем, щадя только женщин, которых забирают в неволю. Боэмунд является на поле битвы, и сцена изменяется. Герцог Нормандский, вырвав свое белое знамя, вышитое золотом, из рук человека, несшего его,

бросается в толпу сарацин и с криком «За мною, нормандцы!» начинает косить мечом своим кровавую жатву в неприятельских рядах. Танкред, который в начале битвы изнемог бы без помощи Боэмунда, с новым жаром и неистощимым мужеством продолжает битву. Несколько уже часов рыцари Креста неутомимо поддерживали неравную борьбу; многочисленность врага уже преодолевала их, когда вдруг тысячи радостных возгласов возвестили о прибытии войска Готтфрида; при самом начале битвы Боэмунд отправил гонца, чтобы предупредить герцога Лотарингского. Немного понадобилось времени, чтобы решить, на чьей стороне останется победа. Вечером, когда битва кончилась, то три тысячи высших чинов и более двадцати тысяч низших чинов мусульманского войска лежали убитыми; неприятельский лагерь, расположенный в двух милях расстояния за долиной Горго-ни, перешел во власть победителей. Крестоносцы потеряли четыре тысячи товарищей, тела которых были преданы погребению при пении священных молитв. Битва эта, первая с начала крестового похода, получила название Дорилейской, по причине близости города этого имени, который теперь называется Эски-Шехр (старый город).

Христиане, продолжая путь, решили не расставаться более. Это решение было хорошо в том отношении, что усиливало их в случае нападения на них, но не было вместе с тем и неудобно в случае других бедствий, например голода и жажды. Турки позаботились разорить те места, которых они

не могли защищать; грабежами и пожарами опустошили они ту часть Каппадокии, Исаврии, Фригии, по которой должны были проходить крестоносцы. Путь армии христианской – от долины Горгони до Антиохетты, столицы Писидии, – был продолжительным бедствием. Антиохетта открыла перед ними свои ворота, тут оказались пастбища и продовольствие, и армия отдохнула здесь. Во время пребывания ее вокруг этого города, она едва не лишилась двух главных своих предводителей: Раймонд Сен-Жильский опасно захворал, а Готтфрид, защищая одного крестоносца, на которого напал медведь, победил зверя, но сам был ранен в бедро, к счастью, однако же, не смертельно. Обоих вождей пришлось в продолжение нескольких недель переносить вслед за войском на носилках.

С тех пор как крестоносцы покинули Европу, между ними еще не происходило несогласий, но пришлось испытать и это бедствие. Танкред во главе итальянских воинов, Бальдуин, брат Готтфрида, с фламандцами были посланы вперед. Проходя через Ликаонию, они нигде не встретили врага и поспешили достигнуть Киликии. Танкред, шедший впереди, остановился у Тарса и приказал повесить свое знамя на стенах города, бывшего колыбелью св. Павла. Вслед за ним подходит Бальдуин и требует, чтобы город был сдан ему под тем предлогом, что отряд его многочисленнее, чем отряд итальянского героя. Испуганные его угрозами жители соглашаются на то, чтобы заменить знамя Танкрета знаменем Бальдуина

на стенах их города. Брат Готтфрида довершает негодование итальянцев отказом принять в город, предавая таким образом мечу турок триста крестоносцев, посланных Боэмундом. В таких обстоятельствах воздержанность Танкреда только и могла обуздать ярость итальянцев, которые ограничились тем, что предали мщению своих братьев – тех мусульман, что оставались в башнях города. В это время корсары фландрские и голландские, прослышав о походе христиан, явились в гавань Тарскую; предводитель их Гюимер, булонец, узнал Бальдуина, сына своего прежнего господина, принял крест вместе со своими товарищами и обещал служить брату Готтфрида.

Боэмунд Тарентский

Танкред, удалившись из Тарса со своим отрядом, хотел расположиться лагерем у стен Аданы, крепости в Киликии, которая уже была занята властителем Бургильонским; сложив свои палатки, он двинулся к другому городу, по имени Мальмистра, откуда и выгнал турок. Бальдуин, выступив из Тарса, где он оставил гарнизон, подошел также к Мальмистре. При виде фламандских палаток итальянцы, уверенные, что Бальдуин захочет воспользоваться и этой их победой, берутся за оружие. Начинается страшная битва между этими двумя христианскими войсками. Отряд Танкреда, уступающий в численности, принужден был отступить. На другой день, однако же, противники помирились во имя религии. Вожди обняли друг друга в присутствии своих войск. Танкред подчинил потом своей власти несколько крепостей в Киликии.

TANCREDI.

Танкред Тарентский

Между тем главная армия крестоносцев перешла через Иконию и Ираклию; переступив через Тавр, она остановилась на отдых и нашла продовольствие в городе Коксоне (древней Кукусе, прославившейся, как место ссылки св. Иоанна Златоустого). Переход из Коксона в Марезию был тяжелый и бедственный; на этом пространстве более восьми или десяти миль не было ничего, кроме колючего кустарника, хворосту, скал и пропастей; не было дорог, ни даже проторенной тропинки. Эта часть Тавра была свидетельницей великих бедствий и великого отчаяния. Крепость Марезия, изобилующая всякого рода средствами к жизни и население которой состояло из христиан, была в конце этого пути. Жена Бальдуина умерла и была похоронена в этом городе.

Участники первого Крестового похода

В Марезии Бальдуин присоединился к христианской армии; он пожелал увидеть собственными глазами, в каком

положении был брат его Готтфрид. Он был обвинен за его несправедливость и насилия относительно Танкреда; вследствие ли этого обстоятельства или того, что освобождение Св. Земли не было единственной его целью, Бальдуин поддавался предложениям одного армянина, искателя приключений, который прельщал его победами на берегах Евфрата; и вот, в сопровождении тысячи воинов, которых ему удалось отбить у крестового похода, он отправился основывать в Месопотамии княжество Эдесское, которое впоследствии оказалось полезным для латинян. В пространной истории крестовых походов читатель найдет любопытные подробности, которыми сопровождалась эти быстрые завоевания Бальдуина.

Артезия, в древности – Халкида, город, занятый турками, не замедлил подчиниться власти крестоносцев. Эта крепость была последняя, охранявшая путь в Антиохию, и мусульмане не пренебрегли ничем, чтобы ее защитить; но они принуждены были удалиться из нее. Оставался еще пункт, это – мост Оронтский, называемый Железный мост (ныне Герсиль Гаддид), оконечности которого были защищены двумя башнями, обшитыми железом. Мусульманские воины заняли эти башни, и весь левый берег Оронта покрылся неприятельскими батальонами. Напрасные преграды, которые должны были рушиться перед великой христианской армией! Выступив из Артезии, где Танкред присоединился к прочим крестоносцам, армия подвигается в полном порядке.

Авангард, предводительствуемый Робертом Нормандским, подходит к Железному мосту и сначала не может пробить себе дорогу; большинство христианских батальонов являются подкрепить отряд Роберта, бросаются на мост, – франки оказываются победителями на обоих берегах Оронта, а турки, ускользая от избиения, быстро скрываются по направлению к Антиохии.

Еще четыре часа пути – и перед армией франков должна была открыться столица Сирии. Вождям известны были грозные укрепления Антиохии; архиепископ Адемар, желая подготовить крестоносцев и придать им бодрости, заблагорассудил не оставлять их в неведении того, что им предстояло осаждать страшный город, стены которого «были выстроены из каменных глыб огромного размера, скрепленных между собой неизвестным и неразрушимым цементом», – город, в котором собраны были со всех сторон враги имени Христова.

Армия христианская перешла на левую сторону Оронта; направо от него было озеро Бар-Эль-Абиад (Белое море); путь, по которому они направились, называемый у летописцев царским путем, проходит по долине, не имеющей ни одного деревца. Пурпуровые и золотые хоругви развевались на воздухе; позолоченные щиты, каски и кирасы блестели на солнце и неслись вперед как лучезарное пламя; шестьсот тысяч крестоносцев покрывали эту долину Умк, которая известна теперь только каравану алеппскому да туркменско-

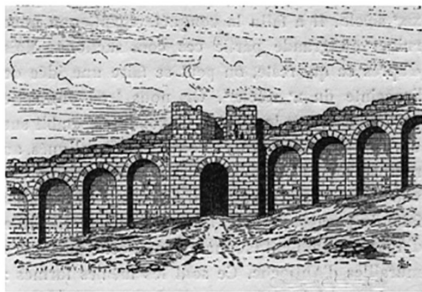
му всаднику. Двойное впечатление могло охватить христианскую армию при виде Антиохии: чувство страха при виде громадных стен и гор, защищавших город, и чувство умиления перед «городом Божиим» (Феополь), столь знаменитым в истории первых веков христианства.

ГЛАВА IV

Осада и взятие Антиохии

(От 1097 до 1098 г.)

Антиохия была окружена стенами на пространстве четырех миль в окружности; над ней с юга возвышались четыре холма, заключенные в городских стенах; с севера протекала река Оронт, вблизи от укреплений с этой стороны укрепления были не так грозны, как в других частях города, потому что Оронт служил уже естественной защитой. В Антиохии было сто тридцать башен. Стены были увенчаны зубцами, которых, по свидетельству аравитянского летописца, было двадцать четыре тысячи. Когда крестоносцы подошли к Антиохии, то минуло уже четырнадцать лет, как она перешла от владычества греков под владычество мусульман. В городе тогда находилось множество сарацин, которые, испугавшись приближения латинян, сбежали сюда из окрестных земель, чтобы вернее укрыться со своими семействами и имуществом. Туркменский эмир Башзиам, или Акциан, получивший верховную власть над городом, заперся в нем с семью тысячами конных воинов и двадцатью тысячами человек пехоты.

Крепостные стены Антиохии

Осада Антиохии была решена, несмотря на приближение зимы. Боэмунд и Танкред раскинули свой лагерь на высотах, находящихся недалеко от восточных ворот или ворот св. Павла; направо от итальянцев, на плоскости по левому берегу Оронта до Собачьих ворот, расположились два Роберта, Стефан, граф Блуасский, Гуг, граф де-Вермандуа с их нормандцами, фламандцами и бретонцами; далее, к северу от города, помещались граф Тулузский и епископ Пюисский со своими провансальцами; войско же Раймонда занимало весь промежуток от Собачьих ворот до следующих ворот, названных впоследствии воротами Дюка. Тут начиналось размещение войска Готтфильда, которое достигало до ворот Моста; таким образом, оно простиралось до того места, где Оронт омывал стены Антиохии. Вследствие такого распределения крепость была обложена с трех пунктов: с востока, с севе-

ро-востока и с севера. С юга же крестоносцы не могли обложить город, потому что тут – неприступная гористая местность. Осаждающим был бы очень полезен пункт к югу от Антиохии, потому что им были бы замкнуты западные ворота или ворота св. Георгия, через которые мусульмане могли входить и получать продовольствие, но для этого им пришлось бы перейти через Оронт. Таково было лагерное расположение христианского войска. Из шестисот тысяч пилигримов насчитывалось триста тысяч, способных к военному делу. Какое величественное зрелище представляло это громадное множество палаток, эти многочисленные вооруженные легионы и вся эта масса народа, прибывшего с Запада! Какая грозная сила для осажденных!

В первые дни осады крестоносцы были так уверены, что ужас принудит осажденных открыть ворота города, что сами предавались бездействию; осенняя пора доставляла им обильную пищу, зеленеющие берега Оронта, рощицы Дафны, прекрасное сирийское небо располагали их к удовольствиям, безурядица и бесчинство появились среди христовых воинов. Турки, в разных вылазках, убили и забрали в плен множество пилигримов, скитавшихся по окрестностям. Желая отомстить за смерть товарищей, крестоносцы задумали взять город приступом, но у них не было лестниц и боевых машин. Они построили мост на ладьях, чтобы воспрепятствовать набегам мусульман на противоположный берег. Христиане позаботились загородить осажденным все прохо-

ды; они старались разрушить мост, построенный на болоте, напротив Собачьих ворот, через который мусульмане обыкновенно выходили; после многих бесплодных усилий они поставили там громадную башню, которую неприятели подожди, и она обрушилась. И не удалось иначе пилигримам загородить этот проход, как притащив руками к самым Собачьим воротам громадные каменные глыбы и самые толстые деревья, срубленные в соседних лесах.

Между тем отважные рыцари бодрствовали вокруг лагеря. Танкред, подстерегавший врагов в засаде, напал однажды на шайку сарацин, и семьдесят голов скатились под его ударами. В другой раз Танкред, прохаживаясь по окрестностям с одним только оруженосцем, познакомил множество сарацин с непреодолимой мощью своего меча, но, движимый поразительной героической скромностью, славный рыцарь приказал своему оруженосцу никому не рассказывать о подвигах его, которых тот был свидетелем.

Епископ Адемар

Вылазки осажденных становились реже; но крестоносцы, за отсутствием боевых машин, не могли решиться на приступ. Таким образом, все эти гордые рыцари осуждены бы-

ли ждать победы от отчаяния турок или от милости Божией. Вскоре началась зима; продовольствие, назначенное на несколько месяцев, было уничтожено в несколько дней, в лагере появился беспощадный голод; дождевые потоки наводнили палатки, так что этот лагерь, недавно еще оживленный весельем, представлял теперь крайне печальное зрелище. Решено было предпринять экспедицию в соседние страны, чтобы добыть съестных припасов. После праздников Рождества тысяч пятнадцать или двадцать пилигримов под предводительством Боэмунда и Роберта Фландрского, направились в область Харим, находящуюся в нескольких милях к юго-востоку от Антиохии, и скоро возвратились со множеством коней и верблюдов, навьюченных съестными припасами. Немного понадобилось времени, чтобы истощились эти припасы; были сделаны новые набегы, которые ничего не доставили лагерю. Ежедневно холод, голод и разные болезни усиливали страдания армии и рыли новые могилы для новых жертв. Недоставало священников, чтобы отпевать умерших, и места не хватало для могил. Летописцы, описывая опустошения, производимые голодом, изображают рыцарей бледными, в лохмотьях, вырывающими острием оружия корни растений, вытаскивающими из полевых гряд новые посевы и оспаривающими дикие травы у вьючных животных. От неимения надлежащей пищи все почти боевые кони погибли. Их насчитывалось в начале осады до семидесяти тысяч, теперь оставалось их не более двух тысяч, и те еле-еле бро-

дили вокруг палаток, истлевших от зимних дождей.

Ко всем этим бедствиям присоединились побеги из лагеря. Герцог Нормандский, удалившийся в Лаодикею, возвратился к воинству только после трех убедительных призывов во имя Иисуса Христа и религии. Бегство Вильгельма Шарпантье (плотника) и Петра Пустынника произвело позор и уныние. И неслыханная противоположность! Среди самой ужасной нищеты появился разврат; в палатках крестоносцев воцарились рядом голод и разврат. Епископ Адемар громил своим строгим словом развратников и святотатцев; из главных начальников военных и духовных был снаряжен суд, чтобы преследовать и предавать наказанию виновных.

Приближение весны оживило надежды христианского воинства; болезни поуменьшились, в лагерь доставлялось удовольствие от графа Эдесского, от князей и монахов армянских, с островов Кипра, Хиоса и Родоса. Готтфрид, который по случаю опасной раны долго не мог выходить из палатки, явился наконец в лагерь, и присутствие его произвело оживление среди общего упадка духа. В это время прибыли в христианский лагерь послы от Египетского калифа. Христиане, желая скрыть от врагов-мусульман свое бедственное положение, постарались окружить великолепием свою обстановку и выказывали веселое настроение духа. Послы предложили им содействие калифа на том основании, чтобы христианское войско ограничилось простым поклонением гробу Иисуса Христа. Воины франкские отвечали, что они при-

шли в Азию не для того, чтобы подчиняться каким-либо условиям, но что целью их путешествия в Иерусалим было освобождение священного города. Почти в это же время Боэмунд и Роберт Фландрский одержали победу над князьями Алеппским, Дамасским, Шайцарским, Эмесским, которые выступили в путь на помощь Антиохии. Крестоносцы не скрыли и этого последнего торжества от каирских послов, готовых к отплытию из порта св. Симеона; на четырех верблюдах были препровождены к ним головы и останки двухсот мусульманских воинов.

Прибытие в порт св. Симеона флота Пизанского и Генуэзского было поводом к кровопролитным столкновениям. Толпы пилигримов, не имевших иной защиты, кроме меча Боэмунда и графа Тулузского, присоединились к европейскому флоту, снабженному продовольствием, но на обратном пути от моря в лагерь Антиохийский эта толпа была настигнута мусульманами; около тысячи христиан погибло, остальные, преследуемые победоносными турками, также не избежали бы смерти, если бы Готтфрид и другие вожди не поспешили на помощь пилигримам, узнав об их поражении. Неприятель поспешил перейти через мост, чтобы возвратиться в Антиохию, но христиане успели перехватить эту дорогу; сверх того, те, которые бежали сначала к Черным горам на севере Антиохии, возвратились, чтобы возобновить битву, и мусульмане, заключенные таким образом и стиснутые между Оронтом и горами, видели перед собой неминуемую гибель. Ак-

циан, правитель города, наблюдая из башен, возвышающихся над его дворцом, и также с высоты укреплений и видя гибельное положение мусульман, немедленно послал к ним подкрепление и, затворив за своими воинами ворота, ведущие к мосту, объявил им, что они должны или победить, или умереть. Тогда началось избиение мусульман, рассказанное в летописях очевидцев с ужасающими подробностями. Это избиение происходило на холме против самого моста, который теперь, как и тогда, служит кладбищем для турок. Волны Оронта вокруг моста были как бы задержаны в своем течении загромоздившими их трупами.

После этого побоища крестоносцы выстроили на этом холме укрепление, которое было поручено храброму графу Тулузскому; оно препятствовало мусульманам выходить из города воротами моста и открыло для крестоносцев безопасное сообщение с правым берегом Оронта.

Осада Антиохии. 1-й Крестовый поход

Оставались у осажденных еще одни городские ворота, через которые они могли получать продовольствие и пользоваться свободным движением по левому берегу Оронта; сюда не заходил еще ни один крестоносец: они были с западной стороны и назывались воротами св. Георгия. Вожди рассудили, что необходимо было устроить возможность производить нападения отсюда и пришли к тому заключению, что следовало захватить позицию вокруг этих западных ворот; но это было сопряжено с большой опасностью, и некоторые из предводителей войска отказывались брать на себя такое дело. Тут выступил Танкред, но у знаменитого рыцаря не

доставало денежных средств, чтобы осуществить это предприятие; тогда граф Тулузский дал ему сто марок и остальные вожди помогли, каждый по возможности. На холмике, вблизи ворот св. Георгия, возвышался монастырь того же имени; Танкред приказал его укрепить, и, поддерживаемый избранным отрядом воинов, он сумел продержаться на этом важном посту.

Таким образом, в руках у христиан оказалась вся внешняя сторона крепости; надежда и рвение воодушевляли крестоносное воинство, дисциплина была восстановлена и придала силы войску. Даже нищие и бродяги, толпа которых увеличивала беспорядок и затрудняла военные действия, были теперь заняты осадными работами и числились на службе под начальством так называемого командира, или царя сволочи (*roi truand ou roi des gueux*).

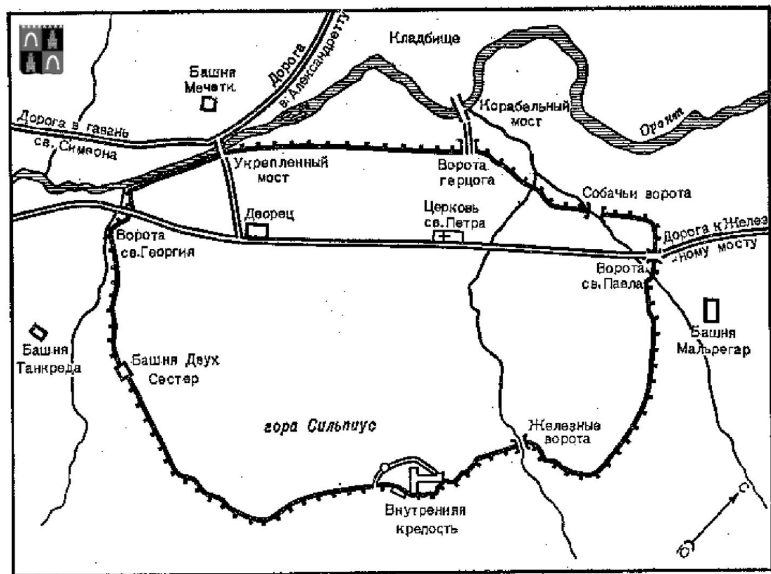
Все ворота Антиохийские были заперты, битвы были приостановлены; между тем с обеих сторон продолжалась война, выражавшаяся в варварских действиях. Ярость турок обрушилась в особенности на пленников. История сохранила имя одного пленного христианского рыцаря, Раймонда Порше, который был выведен на городские укрепления и которому угрожали смертью, если он не убедит крестоносцев выкупить его деньгами. Обращаясь к осаждающим, Раймонд Порше умоляет их смотреть на него, как на человека умершего, не жертвовать ничем ради его спасения и продолжать осаду города, который не мог уже долго выдерживать ее. Прави-

тель Антиохии, узнав, что он говорит, требует, чтобы рыцарь немедленно принял исламизм; он объявляет, что осыплет его дарами и почестями, если он на это согласится, в противном же случае велит отрубить ему голову. Вместо всякого ответа благочестивый рыцарь, скрестив руки и обратив глаза к востоку, преклоняется на колена и – голова его скатывается со стен... Прочие христианские пленники в тот же день были сожжены на костре.

Однако же и осаждающим пришлось страдать от голода. Ак-циан предложил перемирие, на которое последовало неблагоприятное согласие. Во время этого перемирия между вождями произошли распри по поводу богатых подарков, присланных вождям и воинству Бальдуином, князем Эдесским. Крестоносцы свободно проходили внутрь крепости, а сарацины бывали в лагере латинян. Вскоре убийство одного рыцаря, по имени Валлона, подало повод к нарушению перемирия, и осада возобновилась.

Однако же не посредством терпения и храбрости была покорена Антиохия; после семимесячных тяжелых трудов, только посредством хитрости и побуждаемые честолюбием, крестоносцы достигли успеха своего дела. Боэмунд, увлеченный на Восток не ради духовных, но ради светских идей, смотрел не без зависти на то, что счастье благоприятствовало Бальдуину; он замыслил овладеть Антиохией и случайно встретил человека, который мог помочь ему прибрать в свои руки эту крепость. Это был один армянин, по имени Пир-

руз, сын фабриканта кирас; человек подвижного и тревожного нрава, он перешел из христианства в ислаимизм, чтобы поправить свои дела. Он приобрел доверие Акциана, который принял его даже в свой совет. Пирруз заведовал тремя городскими башнями, которые сначала он усердно защищал, но бесплодная служба ему надоела, а он был не такой человек, чтобы отступить перед изменой, если она могла доставить ему выгоды.

План средневековой Антиохии

Пирруз и Боэмунд поняли друг друга с первого взгляда. Князь Тарентский пообещал отступнику от веры много заманчивого. Чтобы убедить Боэмунда в своей преданности и также чтобы оправдать свою измену, Пирруз рассказал, что ему явился во сне Иисус Христос и посоветовал ему предать Антиохию в руки христиан. Когда Боэмунд условился с Пиррузом, каким образом исполнить задуманное ими предприятие, то он предложил собраться главным предводителям христианской армии; он представил им на вид все бедствия, которые они уже вынесли, и те, которые угрожали им в будущем, и заключил словами, что совершенно необходимо было войти в Антиохию и что не следует быть разборчивыми в средствах для одержания этой победы. Многие вожди поняли тайное побуждение, которым руководствовался Боэмунд, и возразили ему, что несправедливо было бы допустить, чтобы один человек воспользовался общими трудами; восстали и против того, чтобы овладеть крепостью посредством какой-нибудь уловки или коварства, изобретением которых свойственно пробавляться женщинам...

Боэмунд, которого история прозвала Улиссом латинян, не отказывается, однако же, от своего замысла; он начинает распространять самые тревожные слухи. Христиане узнают, что Кербога, властитель Моссульский, приближается к Антиохии с двумястами тысячами войска, поднявшегося с берегов Тигра и Евфрата. Вожди снова собираются на совет; Боэмунд предупреждает о великих опасностях, угрожающих

крестоносцам. «Время не терпит, – говорит он, – торопитесь действовать: завтра, может быть, будет поздно». Он объявляет вождям, что знамя крестового похода может уже через несколько часов развеяться на стенах Антиохии, и показывает письма Пирруза, который обещает предать им три башни, которыми он заведует, но только с условием, чтобы не иметь дела ни с кем, кроме Боэмунда, и чтобы ценою этой услуги было представление города во власть Боэмунда; между тем опасность с каждым днем увеличивается; бежать – позорно, предпринимать битву – безрассудно. Эти слухи встревожили всех и заставили умолкнуть все личные интересы соперников. Все вожди, исключая непоколебимого Раймонда, согласились предоставить Боэмунду главенство в деле покорения Антиохии; князь Тарентский назначил осуществление этого предприятия на следующий день.

Чтобы усыпить вполне бдительность осаждаемых, крестоносцы за несколько часов до наступления ночи вышли из лагеря – как будто бы с целью направиться навстречу султану Моссульскому по той дороге, откуда его ожидали. Ночью же они тихо подкрались к стенам Антиохии с западной стороны и стали близ башни Трех Сестер, которой заведовал Пирруз. Пользуясь темнотой ночи и тем, что гарнизон антиохийский был погружен в глубокий сон, один ломардец, по имени Пайенн, подсланный Боэмундом, взбирается по кожаной лестнице на башню Трех Сестер; Пирруз извещает его, что все готово, и что ради обеспечения успеха дела он только что

убил одного из своих братьев, которому он не доверял. По той же лестнице взбирается и сам Боэмунд, за ним следуют еще несколько воинов, и скоро потом целые батальоны наводнили антиохийские улицы. Более десяти тысяч городских жителей погибли в эту ночь. Акцииан ускользнул через маленькие ворота – на северо-восточной стороне города, но был узнан армянскими дровосеками, которые отрубили ему голову и доставили ее новым властителям Антиохии. Едва только рассвело, и уже знамя Боэмунда развевалось на одной из самых высоких башен города. Эта измена не доставила Пиррузу ни славы, ни счастья: сделавшись снова христианином, он последовал за крестоносцами в Иерусалим и умер через два года, перейдя опять в мусульманство и презираемый со стороны и христиан, и мусульман, которым он поочередно служил и изменял.

Таким образом взята была Антиохия в начале июня 1098 года. Осада длилась около восьми месяцев. Победу отпраздновали пиршествами и танцами; но еще тяжелые дни предстояли победителям сирийской столицы. Осажденные в свою очередь армией Кербоги, они подверглись всем ужасам голода. Разнесся слух, что император Алексей вступил в Малую Азию и дошел до Филомелия, чтобы оказать помощь крестоносцам в Антиохии, но что, обманутый рассказами об отчаянном положении пилигримов, он возвратился в Константинополь.

Антиохия была взята, но цитадель города, стоявшая на

третьем холме на востоке, осталась во власти турок. Через малые северо-восточные ворота, оставшиеся свободными, гарнизон цитадели получал ежедневно подкрепление из армии Кербоги и успевал делать опустошительные вылазки на самых улицах в Антиохии. Но этот вызывательный образ действий был напрасен! Голод довел христиан до рокового, мертвенного равнодушия, и спасение их должно было произойти из самой крайности их бедствий. Однажды один бедный священник из Марселя, по имени Варфоломей, явился в совет вождей и рассказал, что три ночи сряду он видел во сне св. апостола Андрея и что апостол повелел ему пойти в церковь св. Петра в Антиохии, раскопать землю вокруг главного алтаря, чтобы найти железо того копья, которым было прободено бедро Искупителя, и сказал ему, что это священное железо следует нести впереди армии на пути ее и что оно дарует победу христианскому оружию. Копье, действительно, было найдено в указанном месте; вид священного железа воодушевил всех верой, надеждой, радостью и силой: эти толпы людей, казавшихся призраками, помертвевшими от голода превратились внезапно в непобедимый народ. Решено было вступить в бой с Кербогой, шатры которого покрывали берега Оронта и возвышенности к востоку от Антиохии.

Выступив из ворот Моста, христианская армия, разделенная на двенадцать корпусов, растянулась в боевом порядке таким образом, что заняла всю долину от ворот Моста до Черных Гор, находящихся на один час расстояния к севе-

ру от Антиохии. Приняв такую позицию, христиане должны были воспрепятствовать неприятелю овладеть доступами к крепости или окружить их. Вскоре трубы подали сигнал к битве и знаменосцы открыли шествие. Эти самые христиане, которые только что изнемогали от голода, с истинно чудным рвением устремились на бесчисленные батальоны султана Моссульского – победа осталась за воинами Креста; никогда еще человеческое мужество не производило ничего подобного. По сказаниям историков, сто тысяч мусульман пали мертвыми в долине, которая отделяет Антиохию от Черных Гор, по обоим берегам Оронта и по Алеппской дороге. Кербога был обязан своим спасением лишь быстроте своего коня. Крестоносцев погибло четыре тысячи. Военная добыча этого дня была громадная. Понадобилось несколько дней, чтобы перенести в город все, оставшееся после побежденных.

Первой заботой крестоносцев после их победы было восстановить поклонение Иисусу Христу; часть сокровищ, отнятых у сарацин, послужила на украшение святых храмов. Затем князья-предводители, патриарх Антиохийский и латинские духовные высшие власти послали письма к западным народам, в которых поведали им о трудах и победах пилигримов.

ГЛАВА V

После отбытия из Антиохии и до прибытия в Иерусалим (1099)

Победоносное христианское воинство пожелало немедленно выступить в Иерусалим; предводители же решили переждать, чтобы прошли летние жары и чтобы наступила осень. Подобными причинами для замедления не имели, однако же, обыкновения руководствоваться князья и бароны. Действительным же их побуждением были честолюбивые планы, заставлявшие их забывать благочестивую цель крестового похода. Первым несчастным последствием замедления отбытия армии из Антиохии была смерть огромного числа пилигримов, среди которых распространилась ужасная эпидемическая болезнь, похитившая в продолжение одного месяца до пятидесяти тысяч жертв. Печальнее всего была смерть епископа Адемара, останки которого были преданы погребению во храме св. Петра. Вид общего горя, зрелище стольких погребений не рассеяли честолюбивых замыслов лиц, стоявших во главе похода. Счастье, поблагоприятствовавшее Бальдуину, князю Эдесскому, и Боэмунду, князю Антиохийскому, было как будто бы соблазном для прочих вождей армии; оно возбуждало в них кипучую зависть. В день поражения Кербоги Раймонд Тулузский водрузил свое

знамя на стенах цитадели и отказался передать ее Боэмунду. Для того чтобы вывести войска из зараженной эпидемией местности и, отчасти, увлекаясь военными приключениями, предводители рассеялись по разным соседним странам. Раймонд Тулузский начал осаду Маарры, крепости, расположенной между Хамой и Алеппо. Жители защищались с ожесточением. Раймонд, при содействии графов Фландрского и Нормадского, вел в продолжение нескольких недель кровопролитные битвы. Взятие Маарры сопровождалось избиением всего мусульманского населения. Между тем снова появился голод между христианами-победителями; доведенные до крайности, многие из них решались на ужасные меры. Обладание Мааррой сделалось предметом новых распрей. Раймонд требовал в свою пользу это завоевание. Толпы пилигримов, утомленные этими раздорами, принялись разрушать крепость. В скором времени пожар довершил истребление, начатое народом. Раймонд в сопровождении двух Робертов с грустью покинул Маарру, перешел через землю Емесскую, через горы Ливанские и расположился лагерем близ Архаса, крепости в Финикии.

Смерть епископа Адемара

Разные завоевательные предприятия вождей в соседних странах только раздражали нетерпение христианского ополчения, стремившегося идти исполнить свой обет. Когда же наступила осень, то поход был снова отложен под предлогом позднего времени и зимних дождей. Наконец отбытие из

Антиохии было назначено в марте 1099 г. В определенное время Готтфрид и граф Фландрский выступили в Лаодикею; Боэмунд провожал их до этого города, но поспешил возвратиться в Антиохию, опасаясь потерять тут свое главенство. Продолжая путь, Готтфрид и Роберт Фландрский взяли Тортоссу, начали осаду Джубеля, но покинули вскоре этот город, и затем вся армия соединилась под стенами Архаса, осада которого уже была начата Раймондом. Во время этой осады возникли сомнения насчет открытия священного копья. Чтобы покончить с этими толками, священник Варфоломей решился подвергнуться огненному испытанию. В обширной долине был приготовлен костер. В присутствии христианской армии священник Марсельский, облаченный в простую тунику и держа в руках священное железо, обернутое в шелковую материю, вошел на пылающий костер и через минуту вышел из пламени. Варфоломей умер через несколько дней после этого, упрекая своих усердных приверженцев, что они подвергли его необходимости доказывать истину своих слов посредством такого страшного испытания. В то время как крестоносцы осаждали Архас, к ним прибыли два посольства: одно – от императора Алексия, которому они сделали не очень лестный прием, другое – от калифа Каирского. Этот калиф только что сделался властителем Иерусалима и давал знать христианам, что ворота священного города будут отперты не иначе как перед обезоруженными пилигримами. Воины Креста с презрением отнеслись и к предложениям, и

к угрозам египетского калифа. Армии был подан сигнал поспешного выступления в Иерусалим.

В христианской армии, состоявшей из трехсот тысяч воинов под стенами Антиохии, теперь насчитывалось не более пятидесяти тысяч, но войско это, за которым уже не следовала толпа бесполезного сброда, составляло грозное ополчение. Эмир Триполиский, побежденный после кровопролитной битвы, откупился данью, чтобы спасти свою столицу. Пилигримы перешли через владения Бейрутские, Тирские и Сидонские, не встречая на своем пути неприятеля. Правители прибрежных городов посылали им продовольствие и заявляли о своем миролюбии и покорности. Богатая Финикийская страна, раскрыв свои сокровища перед крестоносцами, произвела на них радостное впечатление: Земля Обетованная предстала перед ними во всей прелести; христиане ливанские явились приветствовать своих братьев и избавителей. Армия ликовала, и, оживленная святой надеждой, она сделалась образцом дисциплины и благочестивого единения. Проходя через Птолемаиду, крестоносцы получили обещание от эмира этого города починиться их власти, если они покорят Иерусалим. Гора Кармил, Кесария, Лидда и Рамла представились глазам крестоносцев одна за другой, и все эти местности, полные священных воспоминаний, признали владычество латинян. Но вот что представляется почти невероятным: в Рамле предводители вдруг возбудили вопрос: идти ли им осаждать Дамаск или предпринять оса-

ду Каира? Воины Креста были уже только в десяти милях от Иерусалима, и мужество их как будто поколебалось в ту минуту, когда они приближались к городу, где должна была осуществиться цель их тягостного и славного похода. Однако же страх был скоро заглушен воспоминанием о стольких подвигах и также о близости святых мест. Единогласно было решено приступить к осаде Иерусалима.

Ночь накануне прибытия христианской армии в Иерусалим была проведена без сна. Сколько стран было пройдено ими, скольким бедствиям подверглись они, чтобы достигнуть этой святой цели крестового похода! В их благочестивом нетерпении им казалось, что эта ночь тянется слишком долго. Когда показалась утренняя заря, то не один из крестоносцев опередил знамена. Иерусалим не открывается издали; его можно увидеть только, когда уже совсем приближаешься к нему; в продолжение нескольких часов глаза шестидесяти тысяч пилигримов, пробирающихся по горам Иудейским, были неотступно устремлены туда, откуда должна была открыться перед ними Масличная гора... Велик был их восторг, радостны были их слезы, когда наконец показались стены и башни того города, который вмещал в себя Голгофу! Всадники сошли со своих коней и пошли босые; стоны, вопли, преклонения, молитвы и тысячекратно переливающийся возглас «Иерусалим!» служили выражением трогательного и восторженного благоговения воинства Святого Креста.

ГЛАВА VI

Осада и взятие Иерусалима (1099)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.